

Николай Станюкович

Саша Черный

Дальние берега: Портреты писателей эмиграции / Состав и коммент. В. Крейд. -- М.: Республика, 1994.

OCR Бычков М. Н.

Лучшие дореволюционные поэты и писатели-юмористы почти все эмигрировали. С 1920 г. находились в эмиграции бывшие сотрудники некогда знаменитого "Сатирикона" -- Саша Черный, Дон Аминадо, Надежда Тэффи, Аркадий Аверченко. Зарубежный период каждого из них полон творческой активности. А. Черный редактирует журналы и альманахи, издает свой третий том стихотворений "Жажда", пишет множество книг для детей и юношества, печатается во многих периодических изданиях. Кроме воспоминаний Н. Станюковича, включенных в настоящее издание, интересные страницы о нем находим в книге Романа Гуля "Я унес Россию": "Он любил Россию, русскую культуру, русскую литературу страстно любил и этим жил. Надо было слышать, с каким почти благоговением и любовью он говорил об Иване Бунине как о "последней сосне российского сведенного бора"... Как-то я сказал Саше Черному, что всегда любил его стихи и даже (сказал) некоторые помню наизусть. Но Саша (неожиданно для меня) недовольно сморщился, как лимон надкусил, и пробормотал: "Все это ушло, и ни к чему эти стихи были..." "Большевизм и творчески и душевно раздавил бывшего сатирика".

Возблагодарим судьбу за то, что кроме писателей, бесстрашно углублявшихся в пучины подсознательного и предрасполагавших нас к "великим падениям", своего рода трамплинам для свойственных только нам (?) "вознесений духа", -- "на ниве российской словесности" произрастали и менее ядовитые злаки.

Порадуемся тому, что кроме обличительного хохота, обезображенного конвульсией страдания, над русской землей раздавался и добродушный смех -- излечивающий раны и возвращающий нам необходимую для душевного здоровья способность смеяться до слез, а не только "сквозь слезы"...

К сожалению, страсть к самоистязанию, в особенности присущая глубокомысленным критикам, которые и слова в простоте не скажут, всегда выдвигала вперед смех-обличение и брезгливо проходила мимо искрящегося и, как хлебный квас, шипящего в нос веселого смеха писателей -- певцов народного быта, преисполненного и по сей день неистребимой бодрости. А между тем иной коротенький анекдот, бесхитростно, но верно переданный, включает в себе такой заряд веры в то, что нас -- русских -- "Бог не выдаст, свинья не съест!", такое спокойное самоутверждение и самоуважение, которых мы не найдем в велеречивых высказываниях многих писателей, чьи имена почтительно сопровождаются титулами "наш известный", "общепризнанный" и т. п.

Это не значит, что писателей-юмористов не читают, но их популярность кратковременна и их книги редко переживают их авторов.

К числу таких несправедливо забытых принадлежит и наш современник

-- Саша (Александр Михайлович) Черный. Но все, кто имел счастье знать его лично, что выпало и на мою долю, никогда не забудут этого преисполненного любви к нашей старой России, наблюдательного, тонкого и умного человека.

За год до его смерти, я, тогда еще совсем молодой человек, на летних каникулах в достопамятном русской эмиграции "Ла Фавьере", на Средиземноморском побережье, любил сумерничать в его обществе, наслаждаясь его богатыми воспоминаниями.

В те времена мечта о скором возвращении в освободившуюся Россию жила еще во многих сердцах, и мне запомнился один прекрасный летний вечер, над тихо плещущим морем, когда, наслушавшись Александра Михайловича, я перебил его попыткой перевести беседу с прошлого на будущее -- наше русское будущее.

Саша, со светлой и грустной улыбкой, остановил мои восторженные бредни.

-- Нет! -- сказал он, -- что бы ни случилось, я не вернусь обратно, потому что *моей России* более нет и никогда не будет!!

И, может быть, только теперь, в старости, перечитывая его "Солдатские сказки"¹, я до конца понял, что милому, кроткому, лукаво-улыбчатому насмешнику Саше Черному не было места в стране,